

# «Лес», «Маскарад», «Ленин»

Спектакли Ленинградского театра драмы имени Пушкина

В репертуаре, показываемом театром имени Пушкина на доске ленинградского искусства, две пьесы — «Лес» и «Маскарад» — представляют собою выдающиеся произведения русских классиков. Они резко отличны друг от друга по своей форме и стилю, по изображаемой среде, по своей идеологической направленности, как резко отличны друг от друга индивидуальные их создатели — Островского и Лермонтова.

Но в одном отношении эти пьесы родственны: в своем обязательном пафосе, в своем изображении той действительности, которая либо убивала их души, толкала на путь мрачного, все отрицающего пидивальства, как Арбенина в «Маскараде», либо деклассировала их, заставляла искать спасения в бетете, как Геннадия Несчастливцева в «Лесе».

В «Маскараде» перед нами прокатит полая галерея пылчей «свободы, гоним и славы» — всякого рода авантюристы, шулеры, карьеристы, клеветики и развратники, составлявшие украшение «света». Лермонтов набрасывает их аллювию портреты суровым и лаконичным языком эпитетов. Достаточно только «одно-двух режых штрихов» поэта, чтобы перед читателем возник образ аристократки — «Дняны в обществе, Ветеры в маскараде», их карьериста, который «из-за угла того-то там хавал, пять лет сидел он под начальном и крест на шею получил», или бесцельного приспособленца, беспринципно прохаживающегося, который «с безбожником — безбожник, с святошей — свиток, мож пами злой карежник, а с честными людьми — пречестный человек».

Бенкеторфы и их окружение отличны поведением, куда менее молодой поэт своей пьесой, как будто «апатичной» на люд, как будто являющей своей основой лишь морально-эстетический сюжет об аристократии.

убившем из ревности жену. Они поняли, что гибель Нины и Арбенина — это жестокий приговор бездухию, бесчеловечному обществу, сающему только семена смерти и разложения, что уже в самом навалии драмы таится какой-то наден на лицемерие и лживость общества, изображаемого в «Маскараде». Вот почему парские судьи и прислужники долго противились постановке «Маскарада» на сцене.

Символично и название пьесы Островского, поставленной театром имени Пушкина, — «Лес». Это — олицетворение среды, разоблачаемой Островским. Геннадий Несчастливцев сыплет своего друга Архипку, такого же бездомного, бесприютного актера, как и он: «Как мы попали в этот лес, в этот сыр-дремучий бор? Зачем мы, братцы, сплутнули сов и филинов?»

Совы и филины — это помещица Гурмыжская, проматывающая свое состояние на любовников, это фразеологичность Милонных, недоучившиеся Булановы, которых ушибает карьера альфонсов, кулаки Восмибратовы, представляющие паразитического российского капитализма. Этому дупному миру крепостников и хитроумных Островский противопоставил Аксинью и Петра с их чистыми чувствами, с их бесполойными поисками выхода из тупика, в который их заглава корысть Восмибратовых и подлое лицемерие Гурмыжских, этому же миру противопоставляет драматург и Несчастливцевых, которые знают, что такое трепет и волнение, для которых единственной реальностью в этом мире торгашеского расчета и обмана является искусство театра. Не поэтому ли и «Лес», подобно «Маскараду», за сорок лет до него, был встречен холодно, а порою и враждебно критикой, стоявшей на страже «искусных начал» русской жизни?

Но с ослепляющей силой и убедительностью раскрыл театр имени Пушкина ре-

альностическое содержание обеих замечательных пьес. Вернее даже будет сказать, что в постановке «Маскарада» социальная идея трагедии Лермонтова оказалась в значительной степени затупленной, тупой протест, которым насыщена каждая строка, — приглушенным.

Объясняется это, конечно, данностью постановки. Впервые на подмостках этого театра она была осуществлена в 1917 году.

На первой постановке «Маскарада» в бывшем, Александринском театре лежал сильный отпечаток символизма и мистицизма. Впоследствии эта постановка была переработана, зашито отредактирована, но это были только коррективы, порою очень значительные, в целом же ливные, однако, спектаклю новой жизни, нового звучания.

В «Маскараде» и ныне преобладают расчудоватые, внешняя изображительность, декларативность, условное обозначение страсти и переживаний. Пресохло показаны в костюмах, декорациях, мизансценах, в целом ряде режиссерских деталей художник блеск и пустота светской жизни, жеманная лживость салонных отношений, найденные умные внешние решения темы показа одиночества Арбенина. Но зритель чаще всего равнодушен к судьбе Арбенина (исполнитель — артист Ю. Юрьев), он не живет его ненавистью и презрением к миру, в котором Арбенин захвачен, его не обжигают пламенем, «облитые горячем и злостью» стихи Лермонтова. Мы слабо ощущаем нарастающие трагические события, потому что есть какая-то статичность в игре актеров, в том числе и Юрьев, посетит на всю фиклировку его работы, на декларативную законченность и завершность спенского рисунка, или создаваемого.

В постановке «Леса» благодаря большому проявлению актеров в образы Островского, благодаря большей реалистичности режиссерского замысла, основная идея пьесы раскрыта более полно и верно. Вот почему ливственно выступает порою зритель обличительная сущность «Леса». Пафос этого обличения — в пылких словах Геннадия Несчастливцева: «Мы коли любим, так уж любим; коли не любим, так соорили для деревся; коли помогаем, так

уж последним трудовым грошем. А вы? Вы всю жизнь толкуете о благе общества, о любви к человечеству. А что вы сделали? Кого накормили? Кого утешили? Вы тешите только самих себя, самих себя забавляете».

Этих ливных, себялюбивых, презренных людей и показывают артисты ленинградского театра. Импротациона расслабленная, порочная, бездухная Гурмыжская в тонком изображении В. Мичуринной-Самойловой, мерзок Буланов, готовый на любые подлости ради карьеры (артист В. Имят), вызывает отвращение сытый, самозвольный Милоннов, не переставший декламировать обо «всем высоком и всем прекрасном» (В. Светлов), ожесточившись все эти филины и совы, чувствующие себя полными хозяевами «сыр-дремучего бора».

Как одну из самых замечательных исполнителей в этом спектакле, нужно выделить Е. Корчагиную-Александровскую. Она с силой и яркостью переключенного художника воплотила в своей Улите типичные черты одного из «лесных» жителей: это — нечто человеческое, существо злое, тупое, ничтожная выверенная ничтожной барыни, уже одним своим обликом и манерами говорящая о себе. Изредка, однако, из-под этой страшной маски проглядывают и грустные черты человека, изуродованного мрачной обстановкой «Леса».

Рядом с Корчагиной-Александровской стоит В. Горин-Горятин, создавший незабываемый, полный чудесного, тешного юмора образ Архипки Сыстлавичева. Гораздо более убедительным, чем в роли Арбенина, кажется нам Юрьев — Несчастливцев. Если в первых актах пьесы Юрьев еще считается кое-чем в риторичность, в патетичность изливается, то и конце он совершенно освобождается от этого недостатка и глубоко волнует естественностью и искренностью игры.

Очень тепло принял московский зритель третий спектакль театра — «Ленин» А. Каплера и Т. Златогоровой.

Успех этот преопределен, главным образом, лирой артиста Скоробогатова, исполнителя роли Ленина. Москва видела такого чудесного Ленина на сцене, как покойный артист Шуккин, она знает также замечательного исполнителя образа

Ленина — артиста Штрауха (в пьесе Корнейчука «Правда»). Тем не менее артист Скоробогатов отлично выдержал то испытание, каким явилось для него выступление перед требовательной московской аудиторией.

Скоробогатов создал свой образ, увидев в этом великом образе лишь одному ему, как художнику, открывшиеся черты, нашел свое отношение к ним. Сколько протальной, обаятельной простоты в его обращении с людьми, столько ума и тонкого, добродушного лукавства, какая убежденность и энергичность в речах, в движениях, — и как органично, естественно, правдиво все, что он делает!

Перед нами образ вождя и организатора, для которого понятие гуманности — высшее пролетарским, революционным — содержанием, который страстно, всем своим существом нешишит все, что хотя бы в самой далекой степени отдал компромиссом, — образ героя, в полном смысле слова народного, героя, в каждом движении которого ощущаешь его яркую связь с массой.

Некоторые сцены, в которых участвует Ленин, производят захватывающее впечатление, надолго запечатлелись в памяти, например, сцена беседы с Горьким, встреча с крестьянскими хозяевами, сцена после ранения и т. д.

Большой успех в третьем спектакле театра явился на долю артиста Н. Чернышова, удивительно метко схватившего в роли А. М. Горького некоторые черты своеобразного облика великого пролетарского писателя и особенности его интонаций. Окалительно похвалил зрительский зал своим вторым выступлением на показе Е. Корчагина-Александровская. После Улиты — образ Евдокия Ивановны, старушки, заботящейся о Владимире Ильиче. Каким многогранным и глубоко человеческим дарованием нужно обладать для того, чтобы так неузнаваемо перевоплотиться, чтобы вдохнуть жизнь в схематический, почти позематный рисунок роли и за короткое минуты своего пребывания на сцене пробудить в аудитории выслушавшую любовь и нежность к созданному ею образу!

Я. ЭЙДЕЛЬМАН.